

Научная статья

УДК 811.512.141'398.22(=512.141)

DOI 10.17223/18137083/81/19

Народная терминология мифологизированных персонажей группы «мастера-профессионалы» в диалектах башкирского языка

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова

Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук
Уфа, Россия

hisamitdinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9928>

Аннотация

Описывается народная терминология группы «знающих людей», называемых мастерами-профессионалами. Цель статьи – выявление и интерпретация основных и диалектных терминов, относящихся к мифологизированным персонажам «мастера-профессионалы». Материалом исследования послужили фольклорные и литературные тексты, словарные статьи из словарей и полевые материалы автора. В результате исследования установлено, что в башкирском языке обобщающим термином для мастеров-профессионалов является слово *оста* 'мастер, умелец'. Показано, что к данной группе «знающих людей» относятся такие специалисты, как повитуха (*кендек инәһе*); баба, т. е. специалист по обрезанию мальчиков (*баба*); кузнец (*тимерсе*); охотник (*һунарсы*); пастух (*кәтәүсе*); музыканты (*журайсы*) и др. Анализ лексики показал, что терминология, связанная с группой *осталар* 'мастера, умельцы', в основном имеет общетюркское происхождение; значительный пласт терминов имеет общекрыпчакское происхождение; более поздняя терминология имеет заимствованный характер.

Ключевые слова

башкирский язык, лексика, этнолингвистика, народная терминология, мифологизированные персонажи, мастера-профессионалы, «знающие люди»

Для цитирования

Хисамитдинова Ф. Г. Народная терминология мифологизированных персонажей группы «мастера-профессионалы» в диалектах башкирского языка // Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 243–256. DOI 10.17223/18137083/81/19

© Хисамитдинова Ф. Г., 2022

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2022. № 4. С. 243–256
Siberian Journal of Philology, 2022, no. 4, pp. 243–256

Folk terminology of mythologized characters of the group “craftsmen-professionals” in the dialects of the Bashkir language

Firdaus G. Khisamitdinova

Institute of History, Language and Literature
of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation

hisamitdinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5997-9928>

Abstract

This paper describes the folk terminology of a group of “knowledgeable people” called “craftsmen-professionals.” The main, widespread, and dialect terms referring to the mythologized characters “craftsmen-professionals” are identified using dictionaries, folklore and art works, and the field materials of the author. In the Bashkir language, the generalizing term for “craftsmen-professionals” is the word *оста* (craftsman). In addition, the words *һөнәрсе / һөнәрмән* (artisan, master), *кәсепсе* (a person engaged in some kind of craft) are used.

Much attention is paid to the characteristics of the terms related to specific characters of the group “craftsmen-professionals” and their names. It has been established that such specialists as *кендек инәһе, кендекәй, кендек-қарсық, абызәней* (a midwife); *бабақарт, сөннәтсе, бабасы* (a baba, a specialist in circumcision of boys); *тимерсе* (a blacksmith); *һунарсы, аусы, аңсы, жәннекше, балыксы* (a hunter); *көтөүсе, йылкысы, куйсы* (a shepherd); *қурайсы, думбырасы, кобайырсы, һармаксы, толғаусы, йырсы* (musicians) belong to this group of “knowledgeable people.” The author provides the literary and dialect names of the characters concerned, the verbs, the epithets related to the characters of “craftsmen-professionals,” the parallels with other Turkic and non-Turkic languages, folklore and mythologies. The description of terms is complemented by ethnographic data. The analysis of the vocabulary has shown that the terminology associated with the *осталар* group (masters, craftsmen) is mostly of common Turkic origin, with a significant layer of terms of a common Кырчак origin and later terminology having a borrowed character.

Keywords

Bashkir language, vocabulary, ethnolinguistics, folk terminology, mythologized characters, “craftsmen-professionals,” “knowledgeable people”

For citation

Khisamitdinova F. G. Folk terminology of mythologized characters of the group “craftsmen-professionals” in the dialects of the Bashkir language. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 4, pp. 243–256. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/81/19

Введение

В народной культуре тюркских народов зафиксирована группа «знающих людей», которая представляет собой специалистов в определенной области знаний. Таких специалистов-мастеров башкиры называют *оста*, ‘мастер’; *һөнәрсе, һөнәрмән*, ‘ремесленник, мастер’; *кәсепсе* ‘человек, занимающийся каким-то ремеслом, промыслом’.

Слово *оста* является термином с более широким значением, характеризующим любого мастера, специалиста, и может употребляться не только как термин, но и как определение других названий. Ср.: *оста* ‘мастер, умелец’, *оста һөнәрсе* ‘мастер-ремесленник’, *оста кәсепсе* ‘умелый ремесленник, промысловик’.

В статье описывается народная терминология¹ группы «знающих людей», называемых мастерами-профессионалами.

Мастера-профессионалы и связанная с ними терминология

К группе мастеров-профессионалов башкиры относят таких специалистов, как *кендек инәһе* ‘повитуха’, *баба / сөннәтсе* ‘специалист по обрезанию мальчиков’, *тимерсе* ‘кузнец’, *һунарсы* ‘охотник’, *көтөүсе* ‘пастух’, *солоксо* ‘бортник’, *йырсы / йыраусы / сәсэн* ‘певец, импровизатор, сәсэн’, *курайсы* ‘кураист’, *думбырасы* ‘домбрист’ и др. Данную группу специалистов, как и других «знающих людей», башкиры считали отмеченными (*тамғаланған*), избранными (*һайланған*) и потому их наделяли сверхъестественными способностями. Такие мастера ‘*оҫталар*’ у башкир вызывали восхищение. В то же время народ их в определенной степени побаивался, сторонился.

По представлениям башкир, мастера-профессионалы свои особые знания, умения, способности, талант могли получить только при содействии высших божественных или низших нечистых сил. В частности, нами почти во всех башкирских населенных пунктах записаны мифологические рассказы о мастерицах-рукодельницах, которые за ночь могли соткать невиданной красоты ковры, связать пуховые шали. Почти все информаторы такую работоспособность и мастерство обычно объясняли связью женщины с нечистой силой *бисура* ‘кикимора’ или *ен / жен* ‘бес’. По представлениям башкир, *бисура* или *ен / жен* обычно приходят или вселяются в одиноких женщин, сожительствуют с ними, учат их тому или иному ремеслу, помогают выполнить ту или иную работу [Һамар..., 2008, с. 284]. Сюда же следует добавить материалы о мусульманских духах (*мосолман пәрей-зәре*), которые иногда уносят людей и обучают их секретам знахарства и прорицательства, игре на музыкальных инструментах и пению, ткачеству и др. ремеслам. Интересно отметить, что до сих пор музыканты рассказывают о том, что игра на том или ином музыкальном инструменте первоначально они учились в бане. На вопрос: «зачем?» – они отвечали, что так быстрее можно научиться играть. В мифологии баня (*мунса*) является местом обитания нечистой силы, поэтому представление о том, что в бане легче научиться игре на музыкальном инструменте, связано с верой в причастность к обучению нечистой силы. Сюда же можно добавить распространенные среди башкир выражения *Әллә бисураң бармы?* ‘– Что, у тебя есть бисура (кикимора)?’; *Һиңә бисура эйәләгәнме?* ‘– Что, в тебя вселилась кикимора?’, с которыми обычно с восхищением или завистью обращаются к рукодельницам, ювелирам, изготовителям конных сбруй, ульев и др. мастерам-профессионалам, создавшим за короткое время красивое изделие.

У башкир, основным занятием которых было полукочевое скотоводство, в горно-лесных регионах – охота, борничество и лесные промыслы. Мифологизации² в первую очередь, по-видимому, подвергались знатные охотники, пастухи, бортники, пчеловоды. В более ранние эпохи, судя по материалам, сверхъестественными способностями башкиры наделяли воинов-батыров, изготовителей

¹ Народная терминология – это слова и словосочетания, связанные с определенной областью знаний народной культуры.

² Мифологизация – это надделение сверхъестественными способностями реальных лиц, являющихся специалистами в определенной области народных знаний.

оружия – *тимерсе* ‘кузнецов’, сопровождавших воинов – *һынсы*, *юраусы* ‘прорицателей’; вдохновителей участников походов – певцов, сказителей *сәсэн*, *йырсы*, *йыраусы*; музыкантов – *курайсы* ‘кураист’, *думбырасы* ‘домбрист’ и др.

Не меньшей мифологизации подвергались и такие профессионалы башкирского общества, как *кендек инәһе* ‘повитуха’, *кан баба* ‘воспитатель, ответственный за инициацию юношей’, позднее *баба* или *сөннәтсе* ‘мужчины, занимающиеся обрезанием’ и др. Изложенные факты свидетельствуют о том, что специфика хозяйственной деятельности, борьба с чужеземцами за свою землю – Урал, тесная связь народа с природой, обусловили формирование у башкир особой группы мастеров – *осталар*, которые способствовали выживанию народа. Они из поколения в поколение передавали опыт, знания, духовность башкирского народа, поэтому, несмотря на смену хозяйства, занятий, формаций, в народной памяти сохранились легенды и предания, сказки и другие произведения о знаменитых мастерах.

Повитуха в народной культуре и связанная с ней терминология

Из группы «знающих людей» – мастера-профессионалы – наиболее мифологизированным является повитуха – женщина, занимающаяся родовспоможением.

В башкирском языке и его диалектах зафиксировано множество терминов, обозначающих повитуху. Ср.: лит. *кендек инәһе*; диал. *кендек әбейе*, *кендек-карсык*, *кендекнәнэй*, *кендегинәһе*, *кендегәней*, *кендексе*, *кендекәй*, *кендекәй карсык*, *абызәней*, *белемсе әбей* и др. Все термины, кроме двух последних, связаны с лексемой *кендек* ‘пуп, пуповина, сердцевина’ и имеют параллели в ряде тюркских языков и их памятников письменности [СИГТЯ, 1997, с. 279–280]. Ср.: турк. диал.: кар., бал., кир., каз., ккал., ног., уз., уйг. диал., алт., тел., шор., ком., ДТС. *киндик*, турк. *кинник*, уйг. диал. *кимдик*, тат., хак., чув. *кендек*, бар. *кандик / кантик*, кум. *гиндык*, тув. *хиндик* и т. д. Что же касается терминов *абызәней* (от *абыз* ‘знающая коран’ + *әней* ‘мать’) и *белемсе әбей* (от *белемсе* ‘знающая’ + *әбей* ‘старуха, бабушка’), то они связаны с лексемами *абыз* и *белемсе*, имеющими отношение к «знающим людям».

Как уже говорилось, повитуха у башкир является наиболее мифологизированным персонажем. Это было связано с ее ролью в родовспомогательной деятельности. Повитуха помогала появлению ребенка на свет. Она же, по верованиям башкир, «наделяла» ребенка ртом, душой, долей (судьбой) и характером. Об этом свидетельствуют некоторые обрядовые действия. В частности, если сразу после появления на свет новорожденный не подает признаков жизни, повитуха открывает окна, двери, трубы печи и начинает громко вызывать душу ребенка. При этом повитуха осторожно массирует пупок ребенка. Когда появляются признаки жизни, повитуха радостно повторяет: *Йәһе килде, йән инде, Аллаһа шөкөр!* ‘Душа пришла, душа вошла, слава богу’. Таким образом повитуха, по представлениям башкир, наделяла душой новорожденного. Аналогичным образом повитуха наделяла и «ртом» ребенка. Только что родившегося малыша повитуха прикладывала к груди роженицы. Если новорожденный долго не брал грудь матери, повитуха, говоря, что ребенок «не обретает рот» (*ауызланмай*), открывала окна, вьюшку печи, затем наносила на губы ребенка мед и масло. Смазывание губ малыша маслом и медом, сопровождаемое особым заговором, называлось «наделение ребенка ртом» (*ауызландырыу*).

Повитуха, по представлениям башкир, могла наделить и характером, судьбой, т. е. долей. Так, например, повитуха во время первой бани, обрызгивая водой камни, обязательно называла имена ребенка, матери и отсылала каждому отдельно их долю: *Бисмиллахир-рахманир-рахим!* ‘Доля... (того-то)! Ему – здоровье, радость, счастье!’

О мифологизации повитухи свидетельствуют и обычаи почтительного отношения к повитухе у башкир. В частности считалось богоугодным делом ежегодное одаривание повитухи платьем или платком в день рождения человека. Повитухи обычно приглашались на все религиозные праздники башкир. О почтительном отношении башкир к повитухам свидетельствует большой материал не только в фольклоре, но и в современной художественной литературе. В качестве примера можно привести повесть М. Карима «Долгое-долгое детство». В этом произведении нашли отражение взгляды башкир, связанные со страхом получения отказа на благословение от повитухи. Этот факт свидетельствует о том, что повитуха в представлениях башкир выступает в роли богини-покровительницы, которая не только помогает человеку появиться на свет, но и программирует его судьбу. Именно поэтому отказ от благословения повитухи *Олоинэй* ‘старшей матери’ герой повести М. Карима принимает как смертный приговор [Карим, 1981].

О мифологизации персонажа *кендек инәһе* ‘повитухи’, как уже говорилось, свидетельствуют поверья, связанные с принятием 40-го новорожденного. Действительно, существует множество мифологических рассказов, в которых повитухи, нарушившие табу, превращались ночью в вампиров и пили человеческую кровь.

Изложенные факты свидетельствуют о том, что повитухи у башкир были самими мифологизированными персонажами. По представлениям башкир, повитухи в основном выполняли не только родовспомогательную, но и обережную функцию. В то же время часть повитух в силу нарушения различных табу, связанных принятием 40-го новорожденного, а также родов у нечистых сил (*ен*), могли превратиться в опасные силы нижнего мира и нанести вред как роженице, так и новорожденному.

Охотник в народной культуре и связанная с ним терминология

К группе мифологизированных мастеров-профессионалов в башкирской народной культуре относятся и охотники (*һунарсы*). В основе термина *һунарсы* ‘охотник’ лежит башкирское слово *һунар*, которое имеет различные варианты в каз., кирг., тат., чув., як. языках и употребляется в значениях ‘пороша’, ‘тонкий слой снега’, ‘свежий снег’, ‘первый осенний снег’, а также ‘охота по пороше, звериный промысел’ и др. [ЭСТЯ, 2003, с. 307–308]. Кроме указанных тюркских языков, данная лексема в различных фонетических вариантах и с некоторыми семантическими отклонениями зафиксирована в удм. *сунэр*, мар. *сонар*, монг. *сонин*, калм. *сон*, *һони(н)* [ЭСТЯ, 2003, с. 307–308; Әхмәтъянов, 2015, т. 2, с. 182]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что лексема *һунар / сонар* в основном фиксируется в кыпчакских тюркских языках, поэтому вслед за Р. Г. Ахметьяновым можем предположить ее общекыпчакское происхождение. Что же касается наличия указанной лексемы в ряде финноугорских языков, то это можно объяснить языковым влиянием урало-поволжских тюрков на финноугорское население региона. Монгольские варианты лексем *сонар / һунар* имеют двойное

происхождение. Если в монгольском лексема *сонан* может иметь общеалтайское происхождение, то в калмыцком, скорее всего, она появилась в результате заимствования из контактирующих кыпчакских языков.

Кроме термина *хунарсы* в башкирском языке для обозначения охотников зафиксированы термины: *аусы* ‘ловец (охотник), который ловит животных и птиц с помощью силков, ловушек, капканов’, *аңсы* ‘зверолов, охотник следопыт’, *кошсо* ‘птицелов’, *айыусы* ‘медвежатник’, диал. *жәннексе* ‘зверолов’ и др. Следует отметить, что указанные термины имеют общетюркское или межтюркское распространение и восходят к общетюркским, межтюркским или общеалтайским корням. В частности термин *аусы* ‘охотник’, который ловит животных, птиц, рыбу с помощью силков, ловушек, западни, сети, бредни восходит к корню *ау* ~ *аб* ~ *ав*, распространенному в кыпчакских, огузских и карлукских языках. Башкирский охотничий термин *аңсы* ‘охотник на хищных животных и дичь, т. е. зверолов’ образован от лексемы *аң*, имеющей фонетические варианты в алтайском, хакасском, тувинском, т. е. в южносибирских тюркских языках.

Башкирский термин *кошсо* ‘птицелов, сокольник, сокольниковый’ образован от общетюркской лексемы *қиҫ* ‘птица’. Что же касается народного термина *айыусы* ‘охотник на медведя, медвежатник’, то он восходит к лексеме *айыу* ‘медведь’. Лексема *айыу* в различных фонетических вариантах в значении ‘медведь’ зафиксирована в большинстве тюркских языков и их памятников [ЭСТЯ, 1974, с. 112–113].

В группу охотничьей терминологии следует добавить и термин *балыксы* ‘рыбак, рыболов’, восходящий к лексеме *балык* ‘рыба’, являющейся одним из вариантов общетюркской *balıq*, древнетюркского *balaq* / *baliq* [ДТС, 1969, с. 80].

Изложенные факты по терминам, связанным с охотничьей деятельностью, свидетельствуют о том, что в башкирском языке сохранилась довольно богатая терминология. При этом, наряду с общетюркскими, общекыпчакскими лексемами, в образовании народных терминов охотников присутствуют огузские, карлукские и южносибирские тюркские корни [ЭСТЯ, 1974; 1978]. Наличие в охотничьей терминологии названий, восходящих к самым разным языкам тюркской группы, свидетельствует о сложности этногенеза и этноязыковых контактов башкир, которые и обусловили параллели в их терминологии. Интересно отметить, что общность той или иной территориальной или этнической группы башкир с определенными тюркскими народами отмечается не только в терминологии, но и в охотничьих верованиях, обычаях, обрядах. Так, например, излюбленные персонажи охотничьих рассказов южных башкир, называемые *Езморон* ‘злой дух в облике женщины с медным носом и медными когтями’ досл. медный нос, *Езтырнак* ‘злой дух с медными когтями’, досл. медный коготь, вырывающие сердце или вызывающие потерю рассудка у неосторожных охотников, зафиксированы в мифологии казахов (*жезтырнак*), кыргызов (*джез тырмак*, *джез тумишук*) и тувинцев (*шулбус* / *чулбус*) [Юдахин, 1965; БХИ, 1976, с. 297–303; Кондыбай, 2005, с. 117; Хисамитдинова, 2011, с. 148–199]. Интересные охотничьи обычаи и связанные с ними лексемы нами записаны у башкир-катайцев Белорецкого района Башкортостана, которые имеют параллели в народной культуре и языках южносибирских тюрков. Так, по рассказам башкир региона, когда мужчина собирается на охоту, женщинам запрещается присутствовать во время сбора охотничьих принадлежностей, одежды, амулетов. По обычаю, охотнику помогали отец, дед и др. представители старшего мужского населения семьи или рода.

О связи охоты с мужским миром свидетельствуют и такие обычаи, как надевание первых амулетов на молодого охотника. Судя по материалам, первый амулет на молодого охотника должен был надевать только дед по отцовской линии. При его отсутствии старший брат отца или отец самого юноши должен был надеть обережный и продуцирующий амулет³ на молодого охотника. Следует добавить, что традиционные охотничьи благопожелания (*алкыш*), направленные на удачную охоту, также должен был произносить дед или отец. Необходимо добавить, что тексты благопожеланий табуировались, поэтому их сохранилось довольно мало.

Следует отметить, что не только сборы, но и проводы охотников у башкир имеют множество табуированных действий. Во-первых, в проводах могли участвовать только мужчины, они же проверяли, чтобы не встретились в дороге ему женщины или неудачники (*юлдыкһыззар* 'досл. бездорожные', *комһоззар* 'досл. лишенные удачи, жизненной силы'). Во-вторых, они изучали поведение охотничьей собаки, коня, которые, по представлениям башкир, были близки к духам гор, лесов, покровителям зверей, поэтому могли предупредить об опасностях, удачной или неудачной охоте. Судя по обычаям, мифологизировано было и возвращение охотника. Об этом свидетельствует обычай одаривания охотником первого встречного подарком, называемым *сауга*. Суть обычая сводится к тому, что охотник еще до возвращения домой первому встречному должен дать часть своей добычи. Если он не даст или даст мало, он, по верованиям башкир, может потерять охотничью удачливость. Следует отметить, что аналогичные обычаи зафиксированы у казахов, кыргызов и южносибирских тюрков. В частности, раздача *сауга* из убитой дичи у казахов считалась богоугодным делом. Интересно отметить, что и термины, обозначающие подарок из охотничьей и военной добычи, в башкирском и казахском языках совпадают. Ср. баш *сауга*, каз. *сауга* [БРҖ, 1996, с. 532; ҚОС, 1988, с. 297]. В других тюркских языках зафиксированы их фонетические варианты. Ср.: *совгат* (турк., аз., уйг. диал.), *савгат* (кум., ккал. диал., уз. диал.), *савқат* (ног.), *sojyat* (аз. диал.), *со:гат* (турк. диал.), *согат* (уйг.), *savga* (тур. диал., кар.-к., бал., ккал., ног., уйг.), *совха* (аз.), *соога* (кирг.), *сога* (уйг.) и др. со значениями подарок человека, вернувшегося из поездки, подарок благополучно вернувшемуся из поездки, военная добыча, доля хана в военной добыче, пиршество, вещи, оставшиеся после умершего и др. [ЭСТЯ, 2003, с. 273–274; Юдахин, 1965, с. 654].

Кроме *сауга* охотники дарили односельчанам и сородичам медвежьи и волчьи клыки (*теи*), когти (*тырнак*), которые применялись в качестве оберега для новорожденных. Охотники также одаривали знахарей волчьей или медвежьей губой, которые применялись в качестве магического ободка *уткәрмә*, с помощью которого знахари отгоняли нечистую силу и духов болезней от беременных, новорожденных, бесплодных [Хисамитдинова, 2010, с. 332]. Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиры охотников считали медиаторами между духами и людьми, избранниками духов, поэтому верили, что полученные от охотников дары способны исцелить, спасти от болезни, смерти. Таким образом, мифологизации подвергался не только охотник, но и все действия, предметы, связанные с ними.

³ Продуцирующий амулет – это амулет, направленный на обеспечение плодovitости.

Кузнец в народной культуре и связанная с ним терминология

К группе наиболее мифологизированных персонажей мастеров-профессионалов башкиры относят кузнецов (*тимерселәр*). Народный термин *тимерсе* 'кузнец' восходит к лексеме *тимер* 'железо, железный, металл, металлический', который в разных фонетических вариантах зафиксирован не только в тюркских, но и в монгольских языках и их памятниках, и считается древним китайским заимствованием [ДТС, 1969, с. 550–551; Рясянен, 1955, с. 232; СИГТЯ, 1997, с. 408–410].

Кроме термина *тимерсе*, зафиксированного в памятниках древнетюркской письменности с VIII в. в формах *temüci*, *temürçi*, в тюркских языках отмечаются варианты *timir uzu* 'кузнец' в хак., *uzanyqçı* 'кузнец, мастер' в тув., *darqan* 'кузнец' в тув., *darqan* 'кузнец, оружейник' в кирг. эпосе, *darxan u:s* 'кузнец, почтенный кузнец' в як. языке [СИГТЯ, 1997, с. 413]. Изложенные материалы показывают, что основной лексемой, связанной с кузнечным делом, кузнецом в тюркских языках является слово *тимер* 'железо'.

Следует отметить, что железо (*тимер*) у башкир является мифологизированным предметом, поэтому, кроме своей основной функции, связанной с металлургией, он применяется в качестве оберега, отгонного средства [Благова, 2006, с. 691]. Об этом свидетельствуют некоторые обрядовые действия, связанные с родинными, свадебными и похоронными обычаями. В частности, под подушку новорожденного башкиры подкладывают металлические предметы, на головной убор, рубашку, колыбель ребенка пришивают монеты. Железные предметы сопровождали и свадебный обряд башкир. В частности, свадебную одежду невесты украшали серебряные монеты. Металлические ножики, монеты, серьги, кольца раздавались женихом и невестой детям. Серебряные монеты пришивались на одежду невесты пожилыми женщинами рода во время ее проводов из родительского дома.

Металл, металлические изделия сопровождали и похоронный обряд. В частности, сразу после смерти на грудь покойника башкиры кладут нож или ножницы, на глаза кладут большие монеты. Изложенные факты свидетельствуют о том, что вера в обережную и отгонную силу⁴ железа, в целом, металла живет у башкир и сегодня [Хисамитдинова, 2015, с. 151–168].

Мифологизация металла обусловила и мифологизацию кузнеца (*тимерсе*). В связи с башкирскими восстаниями кузнечное дело и кузницы у башкир в XVIII в. были запрещены. Поэтому поиски материала по кузнецам и кузнечному делу связаны с большими трудностями. Определенные материалы сохранились лишь в произведениях башкирского фольклора. В частности, в материалах М. В. Лоссиевского зафиксирован интересный сюжет о пещере Тирмен-тау. Из этой пещеры слышен страшный гул, который идет, по рассказам местных башкир, из жилища живущих там Дью-париев. Оказывается, эти Дью-парии «день и ночь дуют огромными мехами и куют стопудовыми молотами» подземный мир и его обитателей [Лоссиевский, 1878].

Таким образом, судя по записям М. В. Лоссиевского, Дью-парии выступают кузнецами подземного мира. Интересно отметить, что данный сюжет, записанный

⁴ Отгонная сила в статье употребляется в значении средства ритуального изгнания нечистой силы.

у башкир М. В. Лоссиевским, близок к легендам южносибирских тюрков об Эрлике, который также кует в подземном мире из железа нечистую силу. В. И. Вербицкий пишет о том, что «изгнанный за прегрешения в нижний мир, Эрлик устроил свое небо и землю перестроил, но так как его народ был лишен возможности умножаться, то новый мир Эрлика был пуст... Он сделал себе молот, наковальню, мех и клещи и все кузнечные снаряды, раскалил железо и стал бить молотом, и как только он ударил, тотчас выскочил курюмес-бес (*пыртак-неме* или *кара-неме*) от каждого удара. Таким образом наковал он множество духов-слуг себе» [Вербицкий, 1883, с. 99].

Изложенные факты свидетельствуют о том, что кузнецы у тюрков связаны с подземным миром, подземными божествами. В частности, божество Эрлик у южносибирских тюрков считается первым кузнецом. Аналогичные же представления, по-видимому, лежат в основе и башкирских эпических мастеров-кузнецов, живущих в пещерах и названных Дью-париями. Судя по эпосам «Урал-батыр», «Акбузат» и др., царем подземного, подводного мира является старший брат Урал-батыра Шульген. Ему подчиняются все обитатели нижнего мира. Поэтому описанные в легенде кузнецы – дью-парии, как и слуги Эрлика, по представлениям башкир, являются слугами царя подземно-подводного мира Шульгена.

Кроме эпосов, мифологизированность кузнецов, проявляется в обычаях и обрядах башкир. Так, например, при тяжелых болезнях знахари водили больных на кузницы или их руины, где те должны были провести три ночи. Аналогичные способы «лечения» от бесплодия зафиксированы у северо-восточных башкир. Кстати, на руины старых кузниц водили и больных лошадей. Одежда и инструменты кузнеца, уголь и сажа из кузниц применялись в качестве обережных предметов. Изготовленные кузнецами железные предметы также мифологизировались. В частности, во время града против градобитья башкиры на улицу выбрасывали такие железные предметы, как кочерга, щипцы для углей и др. Изложенные факты свидетельствуют о том, что у башкир мифологизируются не только сами кузнецы, но и изготовленные ими изделия, инструменты с которыми они работали, одежда, которую они носили, кузни, в которых они работали. Этому способствовало наличие у башкир известных мастеров-кузнецов на всем Урале. Многие мастера-кузнецы вошли в качестве героев в сказки, легенды и предания не только башкир, но и других народов Урала. О башкирах-мастерах, профессионалах, изготовителях булатных сабель и ножей оставил интересный материал известный уральский писатель П. П. Бажов. В частности, он писал: «Башкиры народ, конечно, небогатый, а конь да булат у них такие случались, что век не забудешь. Иной раз такой узор старинного мастерства на ноже либо сабле покажут, что по ночам тот узор тебе долго снится»⁵.

В другом сказе П. П. Бажов, ссылаясь на слова талантливого металлурга XIX в. П. П. Аносова, писал: «Коли непременно надо родню искать златоустовскому булату, то она в тех старинных ножах и саблях, которые иной раз попадают у башкир, казахов и прочих народов той стороны. И закалка такая же, нисколько на немецкую не подходит...»⁶. Изложенные факты свидетельствуют о том, что башкиры были знатными кузнецами, как и их предки – древние тюрки, которые платили дань кузнечными изделиями [Традиционное мировоззрение...,

⁵ Бажов П. П. Коренная тайность. URL: Zlatoust.ru/bajov/3html/.

⁶ Там же.

1990, с. 209]. Поэтому логично, что у башкир и других тюрков кузнецы являются наиболее мифологизированными персонажами.

Певцы в народной культуре и связанная с ними терминология

К числу наиболее мифологизированных персонажей мастеров-профессионалов у башкир относятся певцы-исполнители протяжных песен *озон кәй* и импровизаторы-*сәсэн*.

В башкирском языке для обозначения данной категории профессионалов употребляются термины *йырсы* ‘певец’, *йырау* ‘создатель и исполнитель кубаиров (кобайыр) и протяжных песен (озон кәй)’, *йыраусы* ‘исполнитель протяжных народных песен’, *сәсэн* ‘создатель и исполнитель кубаиров’, *толгаусы* ‘исполнитель кубаиров’, *кобайырсы* ‘исполнитель кубаиров’, *такмаксы* ‘создатель и исполнитель частушек’, *хармаксы* ‘исполнитель частушек’, *харнауусы* ‘исполнитель речитативов’, *хаммаксы* ‘исполнитель речитативов’ и др.

Основным и универсальным термином, обозначающим данную группу специалистов, в башкирском языке, является *йырсы*, остальные термины имеют более частный характер или диалектальную окраску. Башкирский термин *йырсы* ‘певец, песенник’ восходит к лексеме *йыр* ‘песня’, имеющей параллели в большинстве тюркских языков и памятников [СИГТЯ, 1997, с. 610–611]. Что же касается семантики данного термина, то значение ‘песня’ является в большинстве тюркских языков основным. В ряде языков, в том числе и в башкирском, кроме основного значения ‘песня’, зафиксированы значения ‘эпос, эпическая поэма, пение, мелодия’ [Там же, с. 610].

Термин *йырсы* в различных фонетических вариантах зафиксирован, кроме башкирского, в кат., кар., кбал., кум., тат., ног., каз., кирг., хак., тоф., чув. языках в значениях ‘певец’ и ‘сказитель’. Фонетически близкие к термину *йырсы* термины *йырау*, *йыраусы* ‘певец-импровизатор, певец-сказитель’ отмечены, кроме башкирского, в каз., ккалп., кирг. языках [Там же, с. 612–613].

Певцов, импровизаторов башкиры мифологизировали, считали людьми с несчастной судьбой. Многие из певцов не имели ни дома, ни семьи. Скитаясь из кочевья в кочевье, из деревни в деревню, они своим пением добывали себе пропитание. Таких бродячих певцов башкиры жалели и называли *байгош* ‘бедный, лишённый доли’. Описание одного из таких певцов – *йыраусы* находим в рассказе Дм. Н. Мамина-Сибиряка «Байгуш». Байгуш был талантливым певцом. Об исполнении им протяжных башкирских песен Мамин-Сибиряк пишет: «...у меня пошли мурашки по спине, ничего подобного я никогда не слышал». Он был слепым стариком. Рваная одежда еле держалась на его худом теле. Слепого певца сопровождала маленькая девочка-поводырь. Как певец, так и его проводырь, были голодными. Об этом можно было судить по тому, как они набросились на еду [Мамин-Сибиряк, 1906].

Аналогична была доля и у других бродячих певцов, исполняющих песни за пропитание, живущих то у одного, то у другого зажиточного человека, питаюсь с его стола и получая одежду. Богатые башкиры часто приглашали к себе бродячих певцов, музыкантов. Следует также добавить, что певцы и музыканты приглашались не только для игры и пения по тому или иному случаю (свадьба, рождение детей, возвращение сыновей из походов и воин и др.). Часто богатые башкиры заказывали певцам и музыкантам создание новых песен, сказаний, по-

священных тому или иному событию, человеку. По такому случаю певцу или музыканту могли подарить даже коня. Однако в судьбе бродячих певцов и музыкантов таких случаев было мало, поэтому они в основном влачили жалкое существование.

Чуть лучше, но не намного, была судьба певцов и музыкантов, живущих в деревнях. Они практически все были последними бедняками. Таким образом, социальный статус певца находился в страшном противоречии с его талантом. Безусловно, башкиры их жалели, любили, но считали их несчастными, лишенными доли, поэтому сторонились. Следует отметить, что аналогичное отношение к певцам и музыкантам существовали и у сибирских тюркских народов [Традиционное мировоззрение..., 1990, с. 112–113].

Башкиры своим детям и другим близким запрещали петь, считая, что песня человеку приносит несчастье, беды. Об отдельных певцах существовали легенды о том, что их уносили нечистые силы на свои свадьбы и другие пиршества в иной мир. Мифологизированность певцов и музыкантов проявлялась и в эпосах башкир. В частности, в эпосе «Идеукай и Мурадым» *сэсэн*, певец-импровизатор Хабрау описывается 185-летним старцем, способным видеть богатырского коня Акбузата на дне озера Шульган с волшебным мечом Урал-батыра [БХИ, 2006, с. 184]. В целом можно констатировать, что певцы, музыканты в башкирской народной культуре наделялись особыми способностями, отличавшими их от обыкновенных людей. Их песни покоряли слушающих, заставляли плакать, сходить с ума, пойти на подвиг и смерть. Однако, несмотря на огромный талант, певцы, музыканты считались не совсем нормальными, несчастными, обиженными Аллахом, что делало их в определенной степени изгоями, как и других мастеров-профессионалов – *осталар*.

* * *

Подводя итог рассмотрения терминологии, связанной с мифологизированными персонажами *осталар*, можно сделать следующие выводы:

- данная группа терминов составляет значительный пласт башкирской диалектной лексики;
- в основном терминология, связанная с группой *осталар*, имеет общетюркское происхождение;
- значительный пласт терминов – общекыпчакского происхождения;
- более поздняя терминология имеет заимствованный характер.

Список условных обозначений языков, диалектов, говоров

аз. – азербайджанский язык; бал. – балкарский язык; диал. – диалект; каз. – казахский язык; калм. – калмыцкий язык; кар. – караимский язык; кирг. – киргизский язык; ккал. – каракалпакский язык; кум. – кумандинский язык; лит. – литературный язык; мар. – марийский язык; монг. – монгольский язык; ног. – ногайский язык; тат. – татарский язык; тув. – тувинский язык; тур. – турецкий язык; турк. – туркменский язык; удм. – удмуртский язык; уз. – узбекский язык; уйг. – уйгурский язык; хак. – хакасский язык; чув. – чувашский язык; як. – якутский язык

Список литературы

- Бажов П. П.* Коренная тайность. URL: Zlatoust.ru/bajov/3html (дата обращения 25.10.2021).
- Благова Г. Ф.* Антропонимическая система как проекция космологических и социальных представлений пратюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюрковский язык-основа. Картина мира пратюрковского этноса по данным языка. М., 2006. С. 660–754.
- Вербицкий В. И.* Алтайские инородцы // Сборник этнографических статей и исследований. М., 1893. 221 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- Кондыбай С.* Казахская мифология. Краткий словарь. Алматы, 2005. 272 с.
- Лоссиевский М. В.* Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края // Оренбургский листок. 1878. № 36. С. 1–6.
- Мамин-Сибиряк Дм. Н.* Байгуш // Путеводный огонек. М., 1906.
- Рясянен М.* Материалы по исторической фонетике тюркских языков / Пер. А. А. Юлдашева. М., 1955. 222 с.
- СИГТЯ, 1997 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997. 799 с.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 224 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010. 452 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа, 2011. 419 с.
- Хисамитдинова Ф. Г.* Металл и металлические предметы в башкирской мифологии // Вестник истории, литературы, искусства. М., 2015. Т. 10. С. 151–168.
- ЭСТЯ, 1974 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские основы на гласные. М., 1974. 768 с.
- ЭСТЯ, 1978 – Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву 'Б'. М., 1978. 349 с.
- ЭСТЯ, 2003 – Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М.: Вост. лит., 2003. 476 с.
- Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. 973 с.
- БХИ, 1976 – Башкорт халык ижады: Әкиәттәр. Өфө, 1976. 376 б.
- БХИ, 2006 – Башкорт халык ижады. Өфө, 2006. Т. 8: Эпос: иртәктәр һәм эпик кобайырзар. 492 б.
- БРҖ – Башкортса-русса һүзлек. М., 1996. 881 б.
- ҚОС – Қазақша-орысша сөздік. Алма-Ата, 1988.
- Кәрим М.* Озон-озак бала сак. Өфө, 1981. 296 б.
- Һамар, һарытау өлкәһе башкорттарының руһи хазинаһы. Өфө, 2008. 284 б.
- Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге. Ике томда. Казан, 2015. Т. 1. 543 б.; Т. 2. 567 б.

References

Akhmatyanov R. G. *Tatar teleneң etimologik syzlege. Ike tomda* [Tatar Etymological Dictionary. In two vols]. Kazan, 2015, vol. 1, 543 p., vol. 2, 567 p.

Bashkort khalyk izhady [Bashkir folk art]. Ufa, 2006, vol. 8: Epos: irtəktər həm epik kobayırzar [Medieval epic: The legend of the wise men and heroes]. 492 p.

Bashkort khalyk izhady: Əkiəttər [Bashkir Folk art: fairy tales]. Ufa, 1976, 376 p.

Bashkortsa-russa hyzlek [Bashkir-Russian dictionary]. Moscow, 1996, 881 p.

Bazhov P. P. *Korennaya taynost'* [Native mystery]. URL: Zlatoust.ru/bajov/3html (accessed 25.10.2021).

Blagova G. F. Antroponimicheskaya sistema kak proektsiya kosmologicheskikh i sotsial'nykh predstavleniy pratyurkov [The anthroponymic system as a projection of cosmological and social representations of the Proto-Turkic people]. In: *Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Pratyurkskiy yazyk-osnova. Kartina mira pratyurkskogo etnosa po dannym yazyka* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. The Proto-Turkic language is the basis. The picture of the world of the Proto-Turkic ethnos according to the data of the language]. Moscow, 2006, pp. 660–754.

Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov: Obschetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "B" [An etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic stems beginning with "B"]. Moscow, Nauka, 1978, 349 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "L", "M", "N", "P", "S" [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic and inter-Turkic bases on the letters "L", "M", "N", "P", "S"]. Moscow, Vost. lit., 2003, 476 p.

Etimologicheskii slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie osnovy na glasnye [Etymological dictionary of Turkic languages. Common Turkic bases on vowels]. Moscow, 1974, 768 p.

Karim M. *Ozon-ozak bala sak* [A long, long childhood]. Ufa, 1981, 296 p.

Qazaqsha-oryssha sözdik [Kazakh-Russian dictionary]. Alma-Ata, 1988.

Hamar, Harytau əlkəhe bashkorttarynyñ rukhi khazinahy [Spiritual heritage of Bashkirs of Samara and Saratov regions]. Ufa, 2008, 284 p.

Khisamitdinova F. G. Metall i metallicheskie predmety v bashkirskoy mifologii [Metal and metal objects in Bashkir mythology]. In: *Vestnik istorii, literatury, iskusstva* [Bulletin of history, literature, and art]. Moscow, 2015, vol.10, pp. 151–168.

Khisamitdinova F. G. *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow, 2010, 452 p.

Khisamitdinova F. G. *Slovar' bashkirskoy mifologii* [Dictionary of the Bashkir mythology]. Ufa, 2011, 419 p.

Kondybay S. *Kazakhskaya mifologiya. Kratkiy slovar'* [Kazakh mythology. Concise Dictionary]. Almaty, 2005, 272 p.

Lossievskiy M. V. Iz sueveriy i legend musul'man Orenburgskogo kraya [From superstitions and legends of Moslems of the Orenburg region]. *Orenburgskiy listok*. 1878, no. 36, pp. 1–6.

Mamin-Sibiryak Dm. N. Baygush. In: *Putevodnyy ogonek* [Guiding light]. Moscow, 1906.

Ryasyanen M. *Materialy po istoricheskoy fonetike tyurkskikh yazykov* [Materials on the historical phonetics of the Turkic languages]. A. A. Yuldashev (Transl.). Moscow, 1955, 222 p.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow, 1997, 799 p.

Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir [The traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. The material world]. Novosibirsk, 1988, 224 p.

Verbitskiy V. I. Altayskie inorodtsy [Altai foreigners. Collection of ethnographic articles and studies]. In: *Sbornik etnograficheskikh statey i issledovaniy* [Collection of ethnographic articles and studies]. Moscow, 1893, 221 p.

Yudakhin K. K. *Kirgizsko-russkiy slovar'* [Kyrgyz-Russian dictionary]. Moscow, 1965, 973 p.

Информация об авторе

Фирдаус Гильмитдиновна Хисамитдинова, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук Республики Башкортостан

Information about the author

Firdaus G. Khisamitdinova, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan

*Статья поступила в редакцию 03.11.2021;
одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 20.01.2022
The article was submitted 03.11.2021;
approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 20.01.2022*